

А.К. МИХЕЕВ*

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ
И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В БЕЛЬГИИ ПОСЛЕ РЕФОРМ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ¹**

Аннотация. Одним из направлений трансформации политических систем в европейских странах в конце XX – начале XXI в. стало существенное усиление регионалистских партий и проведение реформ, направленных на децентрализацию. Эмпирические данные показывают, что после таких реформ регионалистские партии демонстрируют разную динамику. Особый интерес представляют регионалистские движения в Бельгии, где в период с 1970 по 2011 г. была реализована серия реформ по федерализации страны, однако, несмотря на примерно одинаковые для всех регионов институциональные изменения, в развитии регионалистских движений наблюдаются принципиально разные траектории. В данной работе предпринимается попытка применить для объяснения этих различий концепцию институционального изоморфизма П.Дж. Димаджио и У. Пауэлла. Исследование хоть и носит поисковый характер, позволяет сделать вывод, что рассматриваемая концепция обладает эвристическим потенциалом. Фламандский регионализм, в котором проявляются черты нормативного изоморфизма, и после реформ демонстрирует устойчивую динамику, предлагает новые формы автономии или полной независимости от Бельгии. Валлонский регионализм, который сформировался преимущественно в логике принудительного изоморфизма как реакция на фламандскую угрозу, после проведения федеративных реформ переориентировался на социально-экономические проблемы, фактически отказавшись

* **Михеев Андрей Константинович**, младший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Института гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (Пермь, Россия), e-mail: andreymikheev17@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

© Михеев А.К., 2025

DOI: 10.31249/poln/2025.03.11

от дальнейшего расширения автономии. Регионалистское движение немецкоязычного сообщества Бельгии можно интерпретировать скорее как подражательный изоморфизм, оно сознательно копировало институциональные модели Фландрии и Валлонии, добиваясь аналогичных полномочий.

Ключевые слова: Бельгия; регионализм; изоморфизм; федерализм; автономия; Фландрия; Валлония; немецкоязычное сообщество.

Для цитирования: Михеев А.К. Институциональный изоморфизм и трансформация регионалистских движений в Бельгии после реформ децентрализации // Политическая наука. – 2025. – № 3. – С. 253–275. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.11>

Конец XX в. во многих странах Европы стал временем подъема регионалистских движений и реформ, направленных на децентрализацию. Наиболее яркие примеры – Испания, Великобритания, Италия, Бельгия [Alonso, 2012; De Winter, Tursan, 1998; Hooghe, Marks, Schakel, 2010]. Как влияет децентрализация на судьбу регионалистских партий? Отвечая на этот вопрос, исследователи разделились на два лагеря. Сторонники «тезиса об аккомодации» считают, что децентрализация ослабляет регионалистские партии, лишая их основной темы [De Winter, Gomez-Reino, Lynch, 2006]. Б. Мегид уточняет этот аргумент: центральные власти могут использовать децентрализацию как инструмент кооптации регионального электората, снижая протестный потенциал движений [Meguid, 2024]. Кроме того, автономия вынуждает регионалистские партии конкурировать на общенациональном поле, где преобладают социально-экономические вопросы, что ведет к кризису идентичности [Levi, Hechter, 1985] и потере поддержки [De Winter, 2006]. Сторонники «тезиса о расширении возможностей», напротив, полагают, что децентрализация укрепляет регионалистские партии. Согласно модели Д. Бранкати [Brancati, 2006, p. 139], победы на региональных выборах помогают партиям войти в национальный парламент, что затем усиливает их позиции в регионе («эффект лестницы»). Как показывает И. Харберс [Harbers, 2010], передача полномочий регионализует партийную систему, а контроль над местными институтами способствует укреплению региональной идентичности [Erk, Anderson, 2009].

Особый интерес в контексте этих дискуссий вызывает бельгийский кейс, где в XX в. сформировались сразу несколько регионалистских движений во Фландрии, Валлонии и в немецкоязычном сообществе [Осколков, 2019, с. 49–50]. В период с 1970 по 2011 г. Бельгия прошла через масштабные децентрализационные

реформы, в ходе которых центральное правительство передало регионам значительную часть полномочий. Однако, несмотря на примерно одинаковые для всех регионов институциональные изменения, мы наблюдаем принципиально разные траектории в развитии регионалистских движений. Во Фландрии произошло разделение на умеренных регионалистов и радикальных сепаратистов, в Валлонии регионалистское движение пошло на спад, и акцент сместился на социально-экономические вопросы, а немецкоязычное сообщество консолидировалось вокруг идеи автономии.

Объяснить столь разные траектории регионалистских движений в одной стране и в контексте единых реформ на основе обозначенных выше подходов проблематично, и в данной работе предпринимается попытка применить для анализа указанных трансформаций концепцию институционального изоморфизма П.Дж. Димаджо и У. Пауэлла. Исследование носит поисковый характер и ставит целью проверить эвристический потенциал данной концепции применительно к эволюции регионалистских движений.

Теоретическая рамка

Концепция институционального изоморфизма П.Дж. Димаджо и У. Пауэлла была разработана в рамках теории организаций с целью объяснить, что делает организации такими похожими друг на друга. Ответ на этот вопрос, по мнению авторов концепции, кроется в том, что организации действуют в одном «поле»: «Когда формируется поле, состоящее из совокупности организаций, возникает своеобразный парадокс: пытаюсь изменить собственные организации, рациональные акторы делают их все более и более похожими» [Димаджо, Пауэлл, 2010, с. 35]. Вместе с тем механизмы институционального изоморфизма могут быть разными, и как представляется, в этом состоит ключевая идея данной концепции. Будучи яркими представителями социологического институционализма, П.Дж. Димаджо и У. Пауэлл акцентируют внимание не на внешних формах институтов (правила и нормы), а на то, как они осмысливаются: «Определение институтов как нормативных структур, порождающих оценки, уступило место их трактовке как когнитивных образований (категорий, типизаций, сценариев), которые образуют конституирующие смыслы, лежащие в основе действия» [Димаджо, 2004, с. 489]. Такой подход к институтам позволил П.Дж. Димаджо и У. Пауэллу показать, что

внешне схожие (изоморфные) организации могут иметь разную природу. Это объясняется тем, что их формальное подобие формируется под действием разных институциональных механизмов.

П.Дж. Димаджо и У. Пауэлл выделили три механизма изоморфизма. Нормативный изоморфизм основан на общности профессиональных стандартов, ценностей и идеологических ориентаций. Принудительный изоморфизм возникает при внешнем давлении (политическом, правовом или финансовом). Подражательный изоморфизм наблюдается, когда организации, не имея собственных эффективных моделей, копируют институциональные решения других участников поля. Важно отметить, что в реальной политической практике эти типы редко встречаются в чистом виде, образуя сложные комбинации с доминированием одного из них.

Применяя эти идеи к регионалистским движениям, нетрудно увидеть, что они демонстрируют явные черты институционального изоморфизма, проявляющиеся в их унифицированной структуре как политических партий. Эта гомогенизация обусловлена прежде всего тем, что они действуют в едином организационном поле национальной политической системы, где доминируют определенные модели партийного строительства [Димаджо, Пауэлл, 2010]. Более того, имея сходную регионалистскую повестку, они неизбежно выдвигают схожие требования – децентрализацию власти, расширение автономии и защиту культурной идентичности.

Вместе с тем изоморфизм регионалистских движений под углом зрения концепции Дж. Димаджо и У. Пауэлла может быть разным. При нормативном изоморфизме идея самоопределения становится ключевой ценностью. Она сохраняет значимость и тогда, когда требования регионалистского движения удовлетворяются. Можно предположить, что в таких случаях после реформ, направленных на децентрализацию, движения не прекращают деятельность, а переходят к борьбе за расширение и реинтерпретацию достигнутого статуса, что позволяет им сохранять мобилизационный потенциал.

Движения, формирующиеся под влиянием принудительного изоморфизма, должны развиваться по иной логике. Поскольку они представляют собой реакцию на внешнее давление, их борьба за регионалистские требования носит не столько ценностный характер, сколько вынужденный и ситуативный. Когда давление ослабевает, в том числе после получения уступок в виде децентрализации, такие движения сталкиваются с кризисом легитимности. Ведь если первоначальной объединяющей силой была не позитивная

идея, а сопротивление угрозе, то ее устранение лишает движение смысла существования.

Особый случай представляет подражательный изоморфизм, при котором движения ориентируются на успешные модели других регионов. Достигнув своих целей, они могут демонстрировать способность адаптироваться, продолжая заимствовать практики, которые представляются им эффективными и полезными.

Далее предпринимается попытка проанализировать динамику трех регионалистских движений Бельгии в рамках выдвинутых предположений. Анализ изоморфизма строится на том, как лидеры и идеологи движений осмысливают свою деятельность. Их заявления, как ключевая часть политического дискурса, позволяют выявить смыслы, которые они вкладывают в движение, а также определить тип изоморфизма. Кроме того, маркерами могут служить практики регионалистского движения, а также последовательность возникновения различных организационных форм. В работе также использованы оценки, представленные в исследовательской литературе.

Регионалистские движения Фландрии до реформ

Фламандское движение зародилось среди интеллектуалов, боровшихся за признание нидерландского языка (тогда считавшегося диалектом) в северных провинциях. В XIX в., когда официальным языком был только французский, это создавало проблемы: фламандцы сталкивались с языковыми барьерами в государственных учреждениях. Писатель Филипп Бломмбарт (1809–1871), один из основателей движения, резко критиковал это неравенство: «На каком иностранном языке я слышу вашу речь? Какую иностранную одежду, каждый день разную, я вижу на ваших телах? Бельгийцы! Теперь вы позволяете иностранцам управлять собой? Ваши предки были менее раболепными – они сознавали свое собственное достоинство» [Hermans, 2015, p. 92].

Важно отметить, что фламандское движение развивалось в русле общеевропейских тенденций. В начале XIX в. борьба за родной язык стала ключевым инструментом национальной мобилизации во всей Европе. От Ирландии до Балкан интеллектуальные элиты использовали язык как оружие против ассимиляции и основу национального строительства. Это отражало процессы нормативного изоморфизма, когда движения воспроизводили сходные стратегии, считая их единственно верными. Б. Андерсон отмечает: «Языки

(по крайней мере, в Европе) являются... личной собственностью вполне конкретных групп... уполномочены занимать свое автономное место в братстве равных» [Андерсон, 2001, с. 105–106]. Э. Хобсбаум дополняет этот тезис: «Национализм действительно мог порою иметь подлинно народные языковые протонациональные корни» [Хобсбаум, 1998, с. 84]. Таким образом, возникшее в XIX в. фланмандское движение восприняло идеи, ценности и нормативные представления, уже широко распространенные в Европе (права этнических меньшинств, языковые права). Это может служить маркером нормативного изоморфизма, поскольку фламандское движение разделяло общеевропейские идеи и ценности.

Данный тезис подтверждается, например, цитатой из брошюры, написанной филологом Ф. Снеллаэртом и участником Бельгийской революции 1830 г. Х. Консьянсом: «Фламандский гражданин в суде слышит, как его обвиняют, защищают и приговаривают на языке, которого он не понимает, – то, что не могло бы произойти со столь значительной частью населения в любой другой стране мира, не вызвав немедленного раскола» [Hermans, 2015, р. 104]. Этот пример отсылает к общепринятым нормам, характерным для других стран того времени, и подчеркивает, что фламандские требования соответствовали общеевропейским тенденциям в защите языковых и меньшинственных прав.

Первое массовое фламандское национальное движение сформировалось в годы Первой мировой войны. Языковой вопрос приобрел особую остроту, поскольку солдаты-фламандцы, составлявшие большинство в бельгийской армии, зачастую не понимали приказов франкоязычного командного состава. Это недовольство привело к созданию *Frontbeweging* («Движение фронта», перевод с нидерландского) – организации военнослужащих, выступавших как за военные реформы, так и за культурно-политическую автономию Фландрии [Van Haute, Pilet, 2006, р. 298].

В 1917 г. фламандские интеллектуалы и активисты *Frontbeweging* объединили усилия, обратившись к королю Альберту I с петицией. Они требовали: (1) разделения армии на франко- и нидерландоязычные части; (2) введения преподавания на фламандском языке в образовательных учреждениях; (3) признания языковых прав фламандского населения. Как отмечал один из участников движения: «Мы, фламандцы и на деле, и на словах, сердцем и душой, хотели дать нашему народу то, что ему принадлежит по праву. Мы добивались, чтобы он мог получать образование на родном языке, говорить на родном языке и занять достойное место в Бель-

гии и цивилизованном мире. Ни насмешки, ни противодействие, ни клевета не остановят нас. Наша нация будет великой и свободной со своим собственным языком – за это мы готовы пожертвовать жизнью» [Hermans, 2015, p. 233]. Петиция осталась без ответа. Петиция 1917 г. выходила за рамки локального протеста, представляя собой сознательную апелляцию к общеевропейским политическим нормам. Фламандские лидеры стратегически использовали сложившиеся в «цивилизованном мире» стандарты, подчеркивая, что их требования о языковых правах и культурной автономии полностью соответствуют общепризнанным принципам национального самоопределения.

С 1940 по 1944 г. Бельгия находилась под оккупацией Третьего рейха, поэтому любые регионалистские движения были под запретом. В послевоенный период фламандское движение разделилось на два основных направления: умеренных федералистов, добивавшихся автономии в рамках бельгийского государства, и радикальных сепаратистов, выступавших за полную независимость Фландрии. Партия «Народный союз», основанная в 1954 г., выдвигала программу федеративного преобразования Бельгии на основе двух языковых сообществ, настаивая на включении Брюсселя (преимущественно франкоязычного) в состав Фландрии [Deschouwer, 2009, p. 563–565]. Так, лидеры заявляли: «Самоопределение фламандского народа и его развитие в самосознательное, сплоченное и динамичное сообщество требуют, среди прочего... уважения к демократическим правилам игры и ко всем философским убеждениям, не только в теории, но и в повседневной политической практике» [Hermans, 2015, p. 392].

Партия начала участвовать в выборах сразу после своего создания, но на первых выборах получила лишь 0,47% мест в национальном парламенте. Пик ее электорального успеха пришелся на период 1968–1981 гг., когда она в среднем занимала 9% парламентских мест. В 1977 г. «Народный союз» вошел в правительственную коалицию, сыграв важную роль в подготовке первых конституционных реформ по федерализации Бельгии.

Именно фламандское движение стало локомотивом конституционных реформ в Бельгии, пройдя сложную эволюцию: от интеллектуального кружка XIX в., занимавшегося вопросами языкового равноправия к современным партиям, добивавшимся автономии различными методами – от парламентской борьбы до уличных акций. По своим характеристикам фламандское движение ближе всего к нормативному изоморфизму. Этот механизм проявляется, когда политические движения перенимают практики и

ценности, считающиеся легитимными в международной среде. В случае фламандского движения мы наблюдаем сознательную попытку легитимировать свои требования (языковое равенство, автономия) прежде всего через апелляцию к универсальным демократическим нормам. Яркой иллюстрацией этого подхода служит позиция Франса ван Каувелаерта, одного из ключевых лидеров движения 1920–1930-х годов: «Равенство нидерландского и французского языков во Фландрии – не привилегия, а право, соответствующее современным демократическим принципам» [Wils, 2009, p. 203].

Региональные движения Валлонии до реформ

Валлонское региональное движение сформировалось в конце XIX в. как ответ на усиление фламандского национального движения. Как отмечает историк К. Сажессер, первые организации по защите валлонских интересов возникли в Брюсселе и фламандских городах, где франкоязычная буржуазия начала ощущать угрозу своему привилегированному положению [Sagesser, 2004, p. 9]. Ярким проявлением этих настроений стало риторическое восклицание валлонской элиты: «Должны ли валлоны подвергаться тирании этого нелепого “родного языка”, который бесполезен? <...> Валлоны не должны этого допустить!» [Hermans, 2015, p. 170]. Эта тревожная реакция была обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: растущими требованиями фламандцев о языковом равноправии, демографическим и экономическим усилением Фландрии, а также опасениями утраты культурной гегемонии. В результате фламандское движение стало восприниматься валлонскими кругами как серьезная угроза единству бельгийского государства и сложившемуся балансу политических сил. В отличие от других регионов Европы, где регионализация опиралась на культурную, этническую или религиозную идентичность, в Валлонии подобные основания отсутствовали. Валлоны традиционно идентифицировали себя прежде всего как бельгийцев. Лишь под влиянием фламандского движения валлоны начали осознавать свою региональную специфику и формулировать собственные политические интересы [Шевцова, 2009, с. 66], что может служить маркером принудительного изоморфизма¹.

¹ Характерно, что даже в начале XXI в. в Валлонии были политико-научные дискуссии с названием «Отважиться быть валлоном» [Шевцова, 2009, с. 65].

В конце XIX в. среди валлонской интеллектуальной элиты начался пересмотр политических позиций, обусловленный несколькими факторами. Во-первых, франкоязычные чиновники в Брюсселе сталкивались с растущими требованиями владения фламандским языком, что создавало препятствия для их карьерного роста. Во-вторых, усиливалось экономическое противоречие: хотя промышленно развитая Валлония оставалась более богатым регионом, государственные инвестиции все чаще направлялись в инфраструктуру Фландрии, что вызывало недовольство франкоязычной буржуазии.

Эти процессы, развивавшиеся параллельно с фламандским движением, способствовали консолидации валлонского регионализма. В 1890 г. был создан Валлонский конгресс – первая политическая структура, системно отстаивавшая интересы региона. Его формирование отражало стремление создать институциональный противовес растущему влиянию Фландрии. [Шевцова, 2009, с. 61]. В 1964 г. была основана партия «Демократический фронт франкофонов», выступавшая за федерализацию Бельгии и расширение двуязычного статуса Брюсселя за счет включения пригородных муниципалитетов с франкоязычным населением [Mabille, 2000]. В предвыборной программе 1968 г. партия четко сформулировала свою идеологическую платформу: «Наша партия представляет интересы всех франкоязычных жителей региона, поскольку все они сталкиваются с ограничениями и проявлениями нетерпимости. В текущих условиях принадлежность к франкоязычному сообществу должна стать объединяющим фактором»¹. На пике своей популярности в 1970–1980-х годах партия стабильно получала около 5% мест в федеральном парламенте, представляя преимущественно интересы брюссельских франкофонов. Ее электоральный успех отражал растущую напряженность в языковом вопросе и способствовал дальнейшей федерализации бельгийского государства.

Таким образом, формирование франкоязычной политической идентичности в Валлонии можно интерпретировать как реакцию на успехи фламандского движения. Опасения культурно-политической маргинализации побудили валлонские элиты к сознательному конструированию новой коллективной идентичности – трансформации от общельгийской к четко выраженной

¹ F.D.F. 1968 – Режим доступа: https://manifesto-project.wzb.eu/download/originals/21912_1968.pdf (дата посещения: 30.03.2025).

франкоязычной. Валлонские организации (и политико-культурные, и политические партии) формировались значительно позже фламандских, будучи реакцией на деятельность последних, что также может свидетельствовать о принудительном характере институционального изоморфизма в валлонском движении.

Иначе говоря, по своим характеристикам валлонское региональное движение наиболее явно отражает черты принудительного изоморфизма. Этот механизм возникает, когда организации вынужденно перенимают практики под давлением внешних обстоятельств или доминирующих акторов. Не случайно исследователи интерпретируют валлонский регионализм как «вынужденный» [Шевцова, 2009]. В случае валлонского движения мы наблюдаем реактивное заимствование институциональных форм и стратегий как ответ на успехи фламандского регионализма. Как подчеркивали лидеры движения, ключевым стимулом к его оформлению стало восприятие фламандских требований как угрозы традиционному устройству Бельгии. Переломный момент наступил в 1960-х годах, когда на фоне экономического подъема Фландрии стало очевидным относительное отставание Валлонии. Именно в этот период происходит институционализация движения через создание региональной партии.

Немецкоязычные территории до реформ

Особого внимания заслуживает немецкоязычное сообщество Бельгии – одно из самых малых федеральных образований в мире с населением 79 тыс. человек и территорией 846,1 кв. км¹. Восточные кантоны, находившиеся под прусским контролем с 1815 г., были переданы Бельгии по Версальскому договору 1919 г. Первоначальное управление регионом осуществлял генерал Герман Бальтазар, проводивший политику франкизации. В 1920 г. состоялся спорный референдум о государственной принадлежности – при открытом голосовании лишь 271 из 33 726 участников осмелились выступить против присоединения к Бельгии [Niessen, 2021, p. 1033–1035].

¹ Structuur van de bevolking // Statbel. – 04.06.2024. – Режим доступа: <https://statbel.fgov.be/nl/themas/bevolking/structuur-van-de-bevolking> (дата посещения: 30.03.2025).

Во время Второй мировой войны, когда Бельгия была оккупирована Германией, многие бельгийские немцы сотрудничали с гитлеровцами, и после окончания войны немецкоязычное сообщество Бельгии столкнулось с массовыми судебными преследованиями (каждый четвертый житель был привлечен к ответственности при среднем показателе 4,15% по стране) [Niessen, 2021, p. 1033–1035]. Это привело к тому, что в первое послевоенное десятилетие для немецкоязычного сообщества была характерна атмосфера аполитичности. Однако постепенно она преодолевалась, и уже в 1957 г. была создана Ассоциация сохранения родного языка с собственным изданием – шаг, явно вдохновленный опытом фламандского движения. Однако настоящий импульс развитию автономистских требований придали языковые законы 1962–1963 гг., которые юридически закрепили принцип территориальности языковых зон. Хотя эти законы в первую очередь регулировали отношения между нидерландо- и франкоязычными регионами, они создали важный прецедент для защиты языковых прав всех меньшинств. Используя новую правовую рамку, немецкоязычные активисты существенно активизировали свою деятельность. В 1969 г. мэры немецкоязычных муниципалитетов приняли резолюцию о необходимости институциональной автономии и создания отдельного избирательного округа – требование, прямо коррелирующее с принципами, заложенными в языковом законодательстве. А в 1970 году был основан Немецко-восточнобельгийский союз высших школ, что стало логическим продолжением процесса институционализации языковых сообществ, начатого фламандцами [Swenden, Jans, 2006].

Немецкоязычное сообщество Бельгии может рассматриваться как пример подражательного изоморфизма, заимствуя организационные модели у более зрелых фламандских и валлонских движений. После Второй мировой войны, не имея собственного опыта политической мобилизации, сообщество воспроизвело успешные стратегии своих соседей. Это включает создание Ассоциации сохранения родного языка в 1957 г. по фламандскому образцу, где языковая политика была ключевым элементом их требований. Также была принята резолюция о избирательном округе в 1969 г. по аналогии с валлонскими инициативами, которые были направлены на обеспечение представительства валлонцев и противостояние с фламандцами, преобладавшими в Бельгии.

Реформы

В ходе первой конституционной реформы 1970 г. в Бельгии были созданы три культурных сообщества – Фламандское, Французское и Немецкоязычное, каждое из которых получило свои ассамблеи, ответственные за вопросы языковой политики. Этот шаг стал прямым ответом на многолетние требования фламандского движения о культурной автономии. Одновременно были заложены институциональные основы для формирования трех регионов – Фландрии, Валлонии и Брюсселя, что отвечало интересам франкоязычного населения страны. Особое значение имело введение принципа лингвистического паритета в работе государственных органов. При этом Немецкоязычное сообщество, будучи самым малочисленным, получило ограниченные полномочия, оставаясь под контролем федерального правительства¹.

Следующим важным этапом стал 1974 г., когда специальный законодательный акт окончательно определил границы регионов и учредил региональные советы. Однако настоящий прорыв в федеративном устройстве произошел в 1980 г., когда культурные сообщества получили расширенные полномочия в сферах здравоохранения и социального обеспечения, а также были официально созданы Фламандский и Валлонский регионы. Примечательно, что во Фландрии произошло объединение институтов региона и культурного сообщества, в то время как франкоязычные структуры сохранили раздельное существование².

Реформы 1988–1989 гг. ознаменовались созданием полноценного Брюссельского столичного региона с собственным парламентом и правительством. На этом этапе культурные сообщества получили исключительные полномочия в области образования, а регионы – в вопросах транспорта и общественных работ³. Важ-

¹ Les première et deuxième réformes de l'État. Informations et services // La Belgique. – Режим доступа: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/premiere_et_deuxieme_reformes_de_l_etat (дата посещения: 30.03.2025).

² Les première et deuxième réformes de l'État. Informations et services // La Belgique. – Режим доступа: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/premiere_et_deuxieme_reformes_de_l_etat (дата посещения: 30.03.2025).

³ Les troisième et quatrième réformes de l'État. Informations et services // La Belgique. – Режим доступа: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/

нейшим событием стала четвертая конституционная реформа 1993 г., которая окончательно закрепила федеративный характер бельгийского государства, внося соответствующую поправку в преамбулу Конституции¹.

Дальнейшее развитие федерализма связано с Ламбермонтскими соглашениями 2001 г., которые значительно расширили автономию регионов, передав им полномочия в области местного самоуправления, сельского хозяйства, рыболовства, внешней торговли, а также предоставив более широкие фискальные права². Завершающим этапом этого процесса стала шестая государственная реформа 2011 г., которая разрешила давний конфликт путем разделения избирательного округа Брюссель-Халле-Вильворде и установила принцип языкового паритета в работе судебных органов столичного региона. Эти изменения поставили точку в многолетних дебатах о языковых правах и завершили формирование современной модели бельгийского федерализма³.

Хотя институциональные изменения затронули все регионы Бельгии почти одинаково, развитие регионалистских движений в каждом из них пошло по уникальному пути. В следующих разделах мы попытаемся объяснить это различиями в механизмах институционального изоморфизма, свойственного разным движениям.

Региональные движения Фландрии после реформ

Для фламандского регионалистского движения изначально были свойственны черты нормативного изоморфизма, и политиче-

histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/troisieme_et_quatrieme_reformes_de_l_etat (дата посещения: 30.03.2025).

¹ Les troisième et quatrième réformes de l'État. Informations et services // La Belgique. – Режим доступа: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/troisieme_et_quatrieme_reformes_de_l_etat (дата посещения: 30.03.2025).

² La cinquième réforme de l'État. Informations et services // La Belgique. – Режим доступа: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/cinquieme_reforme_de_l_etat (дата посещения: 30.03.2025).

³ La sixième réforme de l'État. Informations et services // La Belgique. – Режим доступа: https://www.belgium.be/fr/la_belgique/connaitre_le_pays/histoire/la_belgique_a_partir_de_1830/constitution_de_l_etat_federal/sixieme_reforme_etat (дата посещения: 30.03.2025).

ская история Фландрии в конце XX – начале XXI в. показывает, что после реформ децентрализации нормативные ценности самоопределения, автономии сохранились и трансформировались. «Народный союз», сыгравший ключевую роль в федерализации Бельгии [Huysseune, 2016], после достижения этой цели в 1980-х годах столкнулся с кризисом идентичности. Уже в 1979 г. от партии откололась группа лидеров, которые сформировали партию «Фламандский блок». Он отстаивал идею полной независимости Фландрии от Бельгии. В конце 1980-х годов внутри «Народного союза» сформировались три противостоящих друг другу течения [Van Haute, Deschouwer, 2018]. Правое крыло, представленное в основном национал-консерваторами, продолжало настаивать на полной независимости Фландрии. Левое крыло, опиравшееся на профсоюзные круги, выступало за сохранение солидарности с франкоязычными рабочими Валлонии. Либеральное крыло, наиболее прагматично настроенное, делало ставку на работу в рамках федеральных институтов. Эти неразрешимые противоречия привели к окончательному распаду партии в 2001 г.

Наследником наиболее влиятельного правого крыла стал «Новый Фламандский Альянс» (*N-VA*), который изначально провозгласил целью создание Фламандской Республики в составе Европейского союза [Huysseune, 2016]. Однако, войдя в национальную правительственную коалицию в 2014 г., партия существенно смягчила свою позицию, перейдя к требованиям дальнейшей передачи полномочий регионам в рамках конфедеративной модели. Барт Де Вевер, лидер партии «Новый Фламандский Альянс» (*N-VA*), неоднократно заявлял, что его партия готова участвовать в федеральном правительстве Бельгии только при условии дальнейшего расширения автономии Фландрии. В 2025 г. на партийном съезде он подчеркнул: «Мы открыты к управлению страной, но только если это приведет к реальным институциональным изменениям. Дальнейшая федерализация Бельгии не должна быть табу»¹. Эти слова отражают позицию *N-VA*: текущего уровня самоуправления Фландрии недостаточно, и партия будет добиваться больших полномочий для региона.

¹ Bart De Wever (*N-VA*): “De Belgische ziekte zal niet genezen door er van weg te kijken” // *De Standard*. – 11.01.2025. – Режим доступа: <https://www.standaard.be/politiek/bart-de-wever-n-va-de-belgische-ziekte-zal-niet-genezen-door-er-van-weg-te-kijken/40815902.html> (дата посещения: 30.03.2025).

Особое место в политическом ландшафте Фландрии занимает партия «Фламандский интерес», являющаяся идеологическим преемником радикального «Фламандского блока» [Van Haute, Deschouwer, 2018]. Отколовшись от «Народного союза» еще в 1979 г., эта сила сочетает требования независимости Фландрии с жесткой антииммиграционной риторикой. После судебного решения 2004 г., признавшего партию виновной в разжигании межнациональной розни, ей пришлось формально смягчить позиции, сохранив при этом базовые сепаратистские установки. В предвыборной программе 2019 г. партия заявила: «Фландрия последовательно готовится к реализации проекта независимости, развивая его правовое обоснование, интеллектуальную базу и международную поддержку»¹. Динамика электоральной поддержки демонстрирует волнообразный характер: от 11,33% в 2007 г. до минимальных 2% в 2014 г. с последующим восстановлением до 12% в 2019 г.

Современные социологические исследования выявляют любопытный парадокс: при гипотетическом референдуме о разделе Бельгии 40% фламандцев готовы были бы поддержать независимость. Однако в Валлонии и Брюсселе такие настроения значительно слабее – лишь 14% и 17% соответственно². Эта асимметрия отражает фундаментальное различие в политических культурах двух основных регионов страны, что продолжает определять сложную динамику бельгийского федерализма.

Эволюция фламандского движения от борьбы за языковые права к активному участию в национальной политике демонстрирует его роль как ключевого институционального новатора в Бельгии. Изначально сфокусированное на культурно-языковых вопросах, движение постепенно трансформировало свои требования в комплексную политическую программу, заложив основы современного бельгийского федерализма. Таким образом, фламандское движение не просто адаптировалось к существующей системе, а активно перестраивало ее, создавая новые правила политического взаимодействия. Его успех в институционализации региональных требований сделал его образцом для других движений, включая валлонское и

¹ EERST ONZE MENSEN. Verkiezingsprogramma 2019. Vlaams Belang. – Режим доступа: https://manifesto-project.wzb.eu/download/originals/2020-1/21917_2019.pdf (дата посещения: 30.03.2025).

² Nearly 40% of Flemish would vote for independence // The Brussels Times. – 17.12.2019. – Режим доступа: <https://www.brusselstimes.com/84230/nearly-40-of-flemish-would-vote-for-independence-referendum> (дата посещения: 30.03.2025).

немецкоязычное, подтверждая тезис о том, что именно практики Фландрии задали траекторию бельгийского федерализма.

Региональные движения Валлонии после реформ

«Вынужденный» характер валлонского регионализма, который отражает черты принудительного изоморфизма, оказал влияние на его динамику после реализации федералистских реформ. Период с 1977 по 1980 г. стал кульминацией политического влияния «Демократического фронта франкофонов» (*FDF*), который активно участвовал в федеральных правительствах Бельгии. Однако после успешной реализации принципов федерализма партия столкнулась с постепенной утратой электоральной поддержки. В 1992 г. *FDF* вступил в стратегический альянс с «Либерально-реформистской партией» (*PRL*), а двумя годами позже, в 1994 г., этот союз трансформировался в «Реформистское движение» (*Mouvement Réformateur, MR*). Новое политическое образование объединило четыре ключевые силы франкоязычного политического спектра: «Партию либеральных реформ» (франкоязычная федеральная партия); «Партию свободы и прогресса» (представлявшую немецкоязычное сообщество); «Движение граждан за перемены» и бывший «Демократический фронт франкофонов»¹.

Основной стратегической задачей *MR* стало создание мощной либеральной альтернативы традиционному доминированию социалистов во франкоязычном политическом пространстве Бельгии². Несмотря на заметный рост популярности, что подтверждается электоральной статистикой, движение никогда не входило в состав федеральных правительственных коалиций. С 2019 г. она представлена в правительстве Валлонии.

Валлонский регионализм стал значимым только в начале 1960-х годов, реагируя на успех фламандского движения. Экономическое смещение власти вызвало осознание валлонами необходимости защиты своих интересов. Однако, в отличие от фламандского движения, валлонский регионализм менее исторически укоренен и остается менее активным в политическом ландшафте Бельгии. Этот тезис подтверждает заявление Пьер-Ива Жеоле,

¹ Un mouvement rassembleur et pluraliste // *MR*. – Режим доступа: <https://www.mr.be/mouvement/> (дата посещения: 30.03.2025).

² *Ibid.*

министра-президента Валлонского региона Бельгии: «Сегодня не время для институциональных экспериментов. Регионализация, коммюнитаризация, федерализация, разделение, перераспределение полномочий – весь этот словарь устарел. Давайте сначала определим, для чего нужны институты, и лишь потом будем обсуждать их структуру»¹. Фактически после того как в результате федералистских реформ Валлония получила широкую автономию и «угроза доминирования» Фландрии исчезла, валлонские партии трансформировали свои цели, отказавшись от фокуса на регионалистские требования, и это соответствует предположениям о динамике развития движений, возникших в логике принудительного изоморфизма.

Немецкоязычные территории после реформ

Первая государственная реформа 1970 г. стала поворотным моментом для немецкоязычного населения Бельгии. Хотя первоначально выдвигались предложения о создании «Немецкого культурного сообщества» по аналогии с французским и фламандским, окончательное решение предусматривало формирование «немецкоязычного культурного сообщества» с ограниченным статусом. Эта асимметрия проявилась в трех ключевых аспектах: (1) в федеральном правительстве сохранялся лингвистический паритет только между франко- и нидерландскоязычными министрами; (2) ассамблея немецкоязычного сообщества избиралась напрямую, в отличие от других сообществ, где она формировалась из депутатов национального парламента; (3) деятельность сообщества находилась под особым контролем федерального парламента.

В 1971 г. была основана Партия немецкоязычных бельгийцев (*PDB*), поставившая своей главной целью устранение этих неравенств. На первых прямых выборах в ассамблею в 1974 г. *PDB* получила 25% мест, а к 1977 г. увеличила свое представительство до трети². В том же году все фракции ассамблеи – Христианско-

¹ Discours du Ministre-Président Pierre-Yves Jeholet lors de la fête de la Fédération Wallonie-Bruxelles // MR. – 27.09.2022. – Режим доступа: <https://www.mr.be/discours-du-ministre-president-pierre-yves-jeholet-lors-de-la-fete-de-la-federation-wallonie-bruxelles/> (дата посещения: 30.03.2025).

² Wahlresultate seit 1974 // Parlament der Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens. – Режим доступа: https://pdg.be/desktopdefault.aspx/tabid-4107/7287_read-41708/ (дата посещения: 30.03.2025).

социальная партия, Партия свободы и прогресса, Социалистическая партия и *PDB* – приняли совместную резолюцию с требованиями равных законодательных полномочий; создания собственной исполнительной власти; гарантированного представительства в Палате представителей. Однако эти инициативы остались без ответа со стороны федеральных властей.

Вторая государственная реформа 1980 г. значительно ухудшила положение немецкоязычного сообщества Бельгии, не только отказав ему в новых полномочиях, но и административно подчинив Валлонскому региону. Это решение спровоцировало волну протестов, наиболее символичным из которых стало массовое вывешивание черных флагов 28 сентября 1980 г.

Настоящий перелом наступил после третьей государственной реформы, когда в соответствии со статьей 139 Конституции начался поэтапный процесс передачи полномочий: в 1989 г. – образование, в 1994 – охрана памятников и ландшафтов, в 2000 – вопросы занятости, в 2004 – местное самоуправление, в 2014 – туризм, и наконец в 2019 г. – градостроительство, жилищная политика и часть энергетического сектора. Этот постепенный процесс отражает сложный путь становления автономии немецкоязычного сообщества в бельгийской федеральной системе.

Несмотря на все эти полномочия, немецкоязычное сообщество, как отмечается в «Декларации принципов» 2011 г., продолжает добиваться полного равноправия в федеративной системе, стремясь к симметричному статусу наравне с Фландрией и Валлонией [Niessen, 2021]. Это требование отражает подражательную логику: сообщество стремится не просто к расширению прав, а к институциональному равенству с другими регионами.

История немецкоязычного движения в Бельгии демонстрирует, как стратегия подражательного изоморфизма помогла небольшой общине добиться значительной автономии. Первоначально лишенной собственных политических традиций, сообщество сознательно перенимало успешные институциональные модели у более развитых фламандского и валлонского движений. После достижения основных целей автономии подражательный изоморфизм продолжил влиять на развитие сообщества. Современные инициативы, такие как «Декларация принципов» 2011 г., показывают эволюцию от простого копирования к адаптации институциональных моделей под специфические нужды небольшого сообщества.

Заключение

Анализ истории регионалистских движений Бельгии, включая дискурс их лидеров, политические практики и последовательность формирования институциональных структур, позволяет выявить действие различных механизмов изоморфизма. Изоморфизм заключается в том, что на организационном уровне все движения демонстрируют значительное сходство: сначала формирование культурных организаций, затем создание политических партий, участие в выборах и т.д. Однако мотивация и смысловые основания движений существенно различаются. В данном исследовании мы попытались показать, как эти различия в типах изоморфизма (нормативном, принудительном и подражательном) повлияли на траектории развития движений после ключевых реформ децентрализации, которые являлись их основной целью.

Фламандское регионалистское движение, которое по своим характеристикам близко к нормативному изоморфизму, изначально строилось на идее языка как основы политического сообщества — концепции, популярной в Европе XIX в. На протяжении своей истории оно последовательно расширяло эту парадигму, дополняя языковые требования экономическими и политико-управленческими претензиями к национальному центру. Даже после реформ децентрализации фламандские акторы продолжают переосмысливать идею политического сообщества, предлагая новые формы автономии или полной независимости от Бельгии.

Валлонскому движению свойственны черты, которые сближают его с принудительным изоморфизмом. В отличие от фламандцев, чья идентичность строилась на культурно-языковой основе, валлонское движение развивалось как защитный механизм против угрозы политической и экономической маргинализации в рамках единого бельгийского государства. Это находит отражение и в дискурсе лидеров движения, которые подчеркивали, что создание движения было вынужденной мерой для защиты от растущего фламандского влияния в сфере языка, экономики и управления, и в исторической последовательности создания валлонских политических организаций. Как представляется, это во многом объясняет, почему после федеративных реформ и снижения риска фламандского доминирования движение переориентировалось на социально-экономические проблемы, фактически отказавшись от дальнейшего расширения автономии.

Регионалистское движение немецкоязычного сообщества Бельгии можно интерпретировать скорее как подражательный изоморфизм. До начала федеративных реформ немецкоязычное население фактически не имело возможностей для институционализированного представительства, что было следствием послевоенных правовых ограничений, но успешные автономистские реформы в других регионах Бельгии стимулировали массовое движение за равные права. Немецкоязычные акторы сознательно копировали институциональные модели Фландрии и Валлонии, добиваясь аналогичных полномочий.

Настоящее исследование имеет существенные методологические ограничения. Для более глубокого анализа механизмов институционального изоморфизма в регионалистских движениях требуется более комплексный и систематический анализ политического дискурса, чтобы выявить и проследить смысловые структуры и мотивационные основания различных акторов. Тем не менее проведенный анализ демонстрирует, что концепция институционального изоморфизма обладает эвристическим потенциалом для объяснения динамики рационалистских движений после достижения ими заявленных целей.

A.K. Mikheev*

**Institutional isomorphism and the transformation
of regionalist movements in Belgium after decentralization reforms¹**

Abstract. One of the directions of transformation of political systems in European countries in the late 20th – early 21st centuries was a significant strengthening of regionalist parties and reforms aimed at decentralisation. Empirical evidence shows that regionalist parties show different dynamics after such reforms. Of particular interest are the regionalist movements in Belgium, where a series of federalization reforms were implemented between 1970 and 2011, but despite the institutional changes being roughly the same across regions, there are fundamentally different trajectories in the development of regionalist movements. This paper attempts to apply P.J. Dimaggio and W. Powell's concept of institutional isomorphism to explain these

* **Mikheev Andrey**, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia), e-mail: andreymikheev17@gmail.com

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project «Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State») at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

differences. The study is exploratory in nature, but nevertheless the author concludes that this concept has heuristic potential. Flemish regionalism, which exhibits features of normative isomorphism, shows even after the reforms a steady dynamism, proposing new forms of autonomy or full independence from Belgium. Walloon regionalism, which was formed mainly in the logic of coercive isomorphism, as a reaction to the Flemish threat, after the federal reforms reoriented itself to socio-economic problems, in fact refusing to further expand autonomy. After achieving the basic goals of autonomy, Walloon regionalism, deprived of strong internal motivation, gradually lost its identity. The regionalist movement of the German-speaking community in Belgium can be interpreted more as an imitative isomorphism; it deliberately copied the institutional models of Flanders and Wallonia, seeking similar powers.

Keywords: Belgium; regionalism; isomorphism; federalism; autonomy; Flanders; Wallonia; German-speaking community.

For citation: Mikheev A.K. Institutional isomorphism and the transformation of regionalist movements in Belgium after decentralization reforms. *Political science (RU)*. 2025, N 3, P. 253–275. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.11>

References

- Alonso S. *Challenging the state: Devolution and the battle for partisan credibility – A comparison of Belgium, Italy, Spain and the United Kingdom*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 240 p.
- Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: Kanon-press-Ts Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (In Russ.)
- Brancati D. Decentralization: fueling or dampening the flames of ethnic conflict and secessionism? *International organization*. 2006, N 60 (3), P. 651–685. DOI: <https://doi.org/10.1017/S002081830606019X>
- DiMaggio P. Culture and economy. In: Radaev V.V. (ed.). *Western economic sociology*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004, P. 471–518. (In Russ.)
- DiMaggio P., Powell W. The “iron cage” revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *Economic sociology*. 2010, N 11 (1), P. 35–56. (In Russ.)
- Deschouwer K. The rise and fall of the Belgian regionalist parties. *Regional and federal studies*. 2009, N 19 (4–5), P. 559–577. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597560903310279>
- De Winter L. In memoriam the Volksunie 1954–2001: death by overdose of success? In: De Winter L., Gomez-Reino M., Lynch P. (eds). *Autonomist parties in Europe: identity politics and the revival of the territorial cleavage*. Barcelona: ICPS, 2006, P. 11–46.
- De Winter L., Gomez-Reino M., Lynch P. *Autonomist parties in Europe: identity politics and the revival of the territorial cleavage*. Barcelona: ICPS, 2006, 432 p.
- De Winter L., Türsan H. *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge, 1998, 259 p.
- Erk J., Anderson L. The paradox of federalism: does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions? *Regional & federal studies*. 2009, N 19 (2), P. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597560902753388>

- Harbers I. Decentralization and the development of nationalized party systems in new democracies: evidence from Latin America. *Comparative political studies*. 2010, N 43 (5), P. 606–627. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414008330285>
- Hobbsbawm E. *Nations and nationalism*. Saint Petersburg: Aletheia, 1998, 305 p. (In Russ.)
- Hooghe L., Marks G., Schakel A. *The rise of regional authority: a comparative study of 42 democracies*. London: Routledge, 2010, 240 p.
- Hermans T. (ed.). *The Flemish movement. A documentary history 1780-1990*. London: Bloomsbury Academic, 2015, 476 p.
- Huysseune M. The Flemish paradox: the hegemony of pro-independence parties in a region largely indifferent towards independence. *Ethnopolitics*. 2016, N 16 (4), P. 352–368. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1120959>
- Levi M., Hechter M. A rational choice approach to the rise and decline of ethnoregional parties. In: Tiryakian E. A., Rogowski R. (eds). *New nationalisms of the developed West*. Boston, London: Allen & Unwin, 1985, P. 128–146.
- Mabille X. *Histoire politique de la Belgique*. Brussels: CRISP, 2000, 396 p.
- Meguid B.M. Transferring power to maintain control: Decentralization as a national-level electoral strategy in Western Europe. *World Politics*. 2024, N 76, (1), P. 1–37. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2024.a916340>
- Niessen C. Federalization in the slipstream: how the German-speaking community of Belgium became one of the smallest federal entities in the world. *Nations and nationalism*. 2021, N 27 (4), P. 1026–1046. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12768>
- Oskolkov P.V. Social dimension of the ethnoregional conflict in Belgium. In: Shishulina L.E., Oskolkov P.V. (eds). *The Netherlands and Belgium: history, language, identity*. Moscow: Klyuch-S, 2019, P. 44–53 (In Russ.)
- Sagesser C. *Les pouvoirs en Wallonie*. Bruxelles: CRISP. Centre de recherche et d'information socio-politique, 2004, 101 p. (In French)
- Shevtsova I.K. The phenomenon of forced regionalism (the case of Belgian Wallonia). *Bulletin of Perm University. Series: history and political science*. 2009, N 2 (6), P. 59–68. (In Russ.)
- Swenden W., Jans M. «Will it stay or will it go?» Federalism and the sustainability of Belgium. *West European politics*. 2006, N 29 (5), P. 877–894. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402380600968745>
- Van Haute E., Deschouwer K. Federal reform and the quality of representation in Belgium. *West European politics*. 2018, N 41 (3), P. 683–702. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1399320>
- Van Haute E., Pilet J.-B. Regionalist parties in Belgium (VU, RW, FDF): Victims of their own success? *Regional and Federal studies*. 2006, N 16 (3), P. 297–313. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597560600852474>
- Wils L. *Van de Belgische naar de Vlaamse natie. Een geschiedenis van de Vlaam*. Leuven-Den Haag: Acco, 2009, 203 p. (In Dutch)

Литература на русском языке

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.

- Димаджо П.* Культура и хозяйство // Западная экономическая социология / сост. и научн. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добрякова. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 471–518.
- Димаджо П., Пауэлл У.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – № 11 (1). – С. 35– 56
- Осколков П.В.* Социальное измерение этнорегионального конфликта в Бельгии // Нидерланды и Бельгия: история, язык, идентичность / под ред. Л.Е. Шишулиной, П.В. Осколкова. – М.: Ключ-С, 2019. – С. 44–53
- Хобсбаум Э.* Нации и Национализм. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
- Шевцова И.К.* Феномен вынужденного регионализма (случай бельгийской Валлонии) // Вестник Пермского Университета. Серия: История и Политология. – 2009. – №2 (6). – С. 59–68.